

18+

Оттенки
ПРЕДАТЕЛЬСТВА

— ЧАСТЬ 1. —

ЛЮБОВНИЦА

ЗОЯ КЕЙТ

Зоя Кейт

**Оттенки предательства.
Любовница. Часть 1**

«Издательские решения»

Кейт З.

Оттенки предательства. Любовница. Часть 1 / З. Кейт —
«Издательские решения»,

Она не искала любви. Она искала спокойствия. Но однажды в ее жизни появился мужчина, который разрушил все стены, возведенные годами. Рядом с ним хотелось мечтать, строить планы и верить в будущее. Только у этого будущего уже была своя история. И пока одни пытаются удержать прошлое, другие делают шаг навстречу новой жизни. Чувственная, эмоциональная и жизненная история о любви, которая приходит тогда, когда ее совсем не ждешь.

© Кейт З.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
ГЛАВА 1	7
Олеся	7
ГЛАВА 2	11
Олеся	11
ГЛАВА 3	15
Алия	15
ГЛАВА 4	19
Вероника	19
ГЛАВА 5	23
Олеся	23
ГЛАВА 6	26
Олеся	26
ГЛАВА 7	31
Олеся	31
ГЛАВА 8	37
Ярослав	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Оттенки предательства. Любовница

Часть 1

Зоя Кейт

© Зоя Кейт, 2026

ISBN 978-5-0070-6325-8 (т. 1)

ISBN 978-5-0070-6326-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Как простить предательство и продолжать дышать — тем же воздухом, тем же утром, тем же человеком за завтраком? Возможно ли это?

Я знаю: многие живут именно так. Бесконечно терпят. Прощают — ради детей, ради привычного уклада, ради тишины в доме, которая дороже правды. Они называют это семьёй. Но я не уверена, что это жизнь.

Что такое предательство? Существует ли оно на самом деле? Или это всего лишь слово, за которым мы прячем весь спектр неоправданных ожиданий? Когда-то и я не оправдала чужих ожиданий. Очень давно. Можно ли назвать это предательством? Тогда мне казалось — я просто дышала. Дышала так, как не умела раньше.

Но ведь у всего на свете есть причина. Разве нет?

Мы всегда находим оправдания собственным ошибкам. Иначе как жить с постоянным чувством вины? Оно разъедает изнутри тихо, без предупреждения. Сначала ты не замечаешь. А потом понимаешь: спать больше не можешь.

Теперь я точно знаю: бумеранг существует. И совершенно неважно, верите вы в него или нет. Он не требует веры. Он требует расплаты.

Всё, что мы можем и, наверное, должны делать, — оставаться настоящими. Хотя бы перед самими собой. Наши незавершённые дела, ложь, лицемерие, подлые поступки — они не исчезают. Они ждут. Рано или поздно догонят. Лгать можно долго, но не бесконечно. Я проверяла.

Кто-то называет это кармой. Кто-то — проклятием. Но суть одна: за всё приходится отвечать. Если не в этой жизни, то в следующей — точно. Только вот следующей может не быть. И тогда остаётся только здесь. Смотреть в глаза тому, кого предал. Или тому, кто предал тебя.

Ещё я знаю наверняка: чем выше уровень осознания собственных поступков, тем быстрее возвращается бумеранг. Проверено на себе. Внутри всё сжимается в тот самый момент, когда ты понимаешь: это возмездие не за чужую вину. Это возмездие за твою собственную. Давнюю. Ту, о которой ты старалась забыть.

Предательство — это не просто измена. Это одно из самых страшных проявлений человеческой природы. Потому что предать можно только близкого. Согласитесь, невозможно предать того, кто изначально тебе не доверяет. Такой человек уже защищён своим недоверием. Максимум, что можно сделать, — глубоко разочаровать. Но не ранить.

А близкий человек всегда безоружен. Потому что любит. Потому что открыт. Потому что однажды поверил — и перестал ждать удара.

Почему же предают?

Потому что не могут дотянуться до вашего уровня безусловности. Потому что сами не способны любить просто за то, что человек есть. Им нужна причина. А когда причины нет — они её выдумывают. И верят в неё сильнее, чем в вас.

И самое страшное заключается в том, что в отчаянной попытке оправдать себя предатели почти всегда находят объяснение. Более того — они способны перевернуть ситуацию так, будто виноват именно тот, кого предали. Будто это вы сами своим поведением, своей холодностью или, наоборот, духотой — не оставили им другого выбора.

Вы когда-нибудь слышали это? «Ты сама меня вынудила». Я слышала. И в тот миг внутри что-то умерло. Без крика. Без крови. Просто перестало биться.

Можно ли простить предательство?

И главное — нужно ли?

Возвращаться к человеку, который однажды посмотрел на тебя чужими глазами? Который твою любовь использовал как индульгенцию для собственной слабости?

Я не знаю ответа. Но чувствую его где-то под рёбрами. Там, где тяжело дышать по ночам.

ГЛАВА 1

Олеся

Я иду вдоль реки к морю — тем самым маршрутом, которым мы когда-то ходили всегда. Впрочем, другого пути здесь и нет. Только эта тропа, истоптанная нашими же шагами, только этот ветер, который тогда казался ласковым, а теперь режет лицо.

Сегодня я целиком погружена в мысли и воспоминания. Вновь и вновь возвращаюсь к прошлому, пытаюсь понять, с чего всё началось. Где та точка невозврата, которую я пропустила? Или я её просто не заметила — занятая отчётами, детскими кашами, вечной усталостью?

Я плотнее кутаюсь в тёплый яркий платок. Он подарил мне его ещё тогда, когда мы были, по нынешним меркам, почти нищими. Но именно этот подарок остаётся для меня самым дорогим. Потому что важна не цена вещи, а её ценность. Потому что в нём — его руки, его запах, тот самый день, когда он сказал: «Тебе идёт». Я тогда засмеялась и ответила: «Мне всё идёт». И он рассмеялся в ответ — легко, свободно, как будто между нами никогда не будет ни лжи, ни чужих постелей, ни пролитых слёз.

По щекам текут слёзы. Я уже не могу их сдерживать. Они рождаются из той боли, что плещется внутри бескрайним морем — таким же огромным и тёмным, как Чёрное море, к которому я сейчас иду. Солёные капли падают на платок, и мне кажется, что ткань впитывает их без следа, как будто учит меня молчать.

Над головой нависли тяжёлые облака. Начинает моросить дождь — словно погода решила стать продолжением моего настроения. Иногда мне кажется, что эта глубокая южная осень зависит от моего внутреннего состояния. Стоит мне заплакать — и небо начинает плакать вместе со мной. Стоит замереть — и ветер затихает, словно боится спугнуть последнюю надежду.

Осень в этом году пришла слишком рано. Холодная, промозглая, совсем не похожая на привычную бархатную осень юга. Будто сама природа сошла с ума. Уже в начале октября стоят почти зимние холода, а деревья сбросили листву ещё в сентябре и теперь тянут к небу голые ветви. Они похожи на меня — живые, но раздетые до костей.

А ведь всего год назад мы загорали и купались почти до ноября. И были счастливы. Мне не казалось — мы действительно были счастливы. По крайней мере, я точно была счастлива. До краёв, до последнего вдоха, до той секунды, когда мир вдруг перестал быть прежним.

Мы переехали жить к морю, осуществив мою самую заветную детскую мечту. Все знакомые и родственники были потрясены, когда узнали, что мы приехали сюда не на отдых, а остаёмся навсегда.

«Как ты решилась? — спрашивали они. — Оставить работу, привычную жизнь, всё бросить?»

Если честно — непросто. Но он меня поддержал. Тогда он ещё поддерживал. Он смотрел мне в глаза и говорил: «Мы справимся». И я верила. Потому что хотела верить. Потому что без этой веры внутри оставалась только пустота, а пустоту я боялась заполнять даже мысленно.

Однажды, встречая меня после работы... Хотя нет. Начну всё по порядку. С того самого дня, когда я ещё ничего не знала о нём. Когда моё имя было просто Олеся Соловьёва, главный бухгалтер, и никто не называл меня «любимая» по ночам.

Апрель 2016 года

Меня зовут Олеся Соловьёва. Мне тридцать четыре года, хотя из-за невысокого роста и худощавого телосложения у меня до сих пор иногда спрашивают паспорт при покупке алкоголя. Взгляд у меня, правда, уже не девчоночий — в нём слишком много всего, что не скроешь

ни ростом, ни весом. Иногда я ловлю себя на том, что смотрю на мужчин так, будто заранее знаю, чем закончится разговор. Это не цинизм. Это усталость.

На тот момент я работала главным бухгалтером в микрокредитной организации. Правда, лишь на время декретного отпуска сотрудницы, занимавшей эту должность до меня. Но работа была мне необходима — я согласилась даже на временное место, рассчитывая, что за полтора-два года найду что-нибудь постоянное. Два года — это срок, за который можно либо сойти с ума от рутины, либо влюбиться в чужого мужа. Я пока не знала, что меня ждёт второе.

К тому времени я трудилась в компании почти месяц. Успела разобраться в специфике, изучить необходимое законодательство, освоить специализированную программу и сделать неутешительный вывод: до моего прихода бухгалтерским и налоговым учётом здесь практически никто всерьёз не занимался. Бумаги хранились как попало, отчётность сдавалась на грани дедлайнов, а архив напоминал свалку чужих ошибок.

Ситуацию осложняло и то, что микрофинансовая деятельность находилась под жёстким контролем Центрального банка. Помимо стандартной отчётности существовало множество специальных форм — ежемесячных, квартальных, годовых. И менялись они едва ли не каждый квартал, словно кто-то специально запутывал следы.

Микрофинансовый рынок в нашей стране тогда только формировался с точки зрения законодательства, но накопившихся проблем уже хватало — и у компаний, и у клиентов. Поэтому знакомство с прокурорскими проверками не заставило себя долго ждать. Кроме того, деятельность контролировали саморегулируемые организации. Проверяющих хватало с избытком — как саранчи в жаркий август.

С коллективом я постепенно нашла общий язык.

В головном офисе, помимо меня, работали юрист Юлия Бельская, бухгалтер Светлана Ларина — в моём непосредственном подчинении, она же вела кадровый учёт, — а также секретарь Анастасия Третьякова. Основной задачей Насти была помощь юристу в подготовке исковых заявлений и отправка бесконечного потока корреспонденции. Девушка постоянно терялась в бумагах и краснела, когда её ругали. Я смотрела на неё и вспоминала себя в девятнадцать — такую же неловкую, мечтающую, что однажды всё наладится.

Первым делом я провела аудит документации, составила перечень недостающих документов для восстановления архива и подготовила план наведения порядка в учёте.

А затем отправилась к руководству с другим вопросом.

Меня давно раздражало, когда человек выполняет работу за троих, а получает как за одного. Светлана трудилась не покладая рук, но её оклада едва хватало на жизнь. Поэтому я решила добиться повышения.

— Станислав Юрьевич, — обратилась я к одному из директоров, заглянув к нему в кабинет. — У меня есть деловое предложение.

Я слегка улыбнулась. Улыбка вышла спокойной, выверенной. Я репетировала её по дороге на работу — перед зеркалом, пока дети завтракали.

— Слушаю, — ответил он, не отрываясь от монитора. — Говори.

По его реакции я поняла: к инициативам подчинённых он не привык. Его поза была закрытой, пальцы сцеплены в замок. Ничего, подумала я. Всё когда-то бывает впервые.

— Тут такое дело...

Я выдержала паузу — ровно настолько, чтобы он поднял голову и посмотрел мне в глаза. Встретились взглядами. Его — изучающий, слегка высокомерный. Мой — спокойный, как вода в озере перед грозой.

— Светлана Ларина работает в компании почти четыре года. За всё это время её заработная плата ни разу не повышалась.

Я наблюдала за выражением его лица. Сначала недоумение. Потом лёгкое раздражение. И наконец — что-то похожее на уважение. Похоже, моя наглость его действительно удивила. В этом городе женщины редко разговаривают с начальством таким тоном.

— Так и обязанностей у неё особо не прибавилось, — заметил он с иронией, но в голосе уже не было прежней отстранённости.

— Возможно. Но она выполняет две ключевые функции: ведёт кадровый учёт и занимается начислением заработной платы. Кроме того, я планирую передать ей подготовку части отчётности по налогам и страховым взносам.

Он поморщился. Терминология была ему чужда. Я видела это по тому, как дёрнулся уголок его губ — он не любил признаваться в собственном непонимании. Но и перебивать не стал. Это был хороший знак.

— И ещё, Станислав Юрьевич, я полагаю, вы планируете расширять бизнес.

Я, конечно, немного забежала вперёд. Но видела, как приятно ему это слышать. Какой предприниматель не мечтает развивать своё дело? Его зрачки чуть расширились, пальцы разомкнулись.

— Хорошо, — усмехнулся он. — И насколько ты предлагаешь повисить?

— Для начала в два раза.

— Смело.

Я улыбнулась. Он хмыкнул:

— Особенно понравилось ваше «для начала».

Я лишь пожала плечами. Ничего лишнего. Только факты и спокойная уверенность.

— Я подумаю.

— Подумайте.

Уже собираясь выйти, я услышала его вопрос. Тон изменился — стал мягче, почти заинтересованным:

— А за других сотрудников просить не собираешься?

Я обернулась. Наши взгляды снова встретились. В его глазах мелькнуло что-то — то ли проверка, то ли любопытство.

— Пока нет. Остальные сотрудники не входят в зону моей ответственности.

Он удовлетворённо кивнул и заметно расслабился. Откинулся на спинку кресла, и я вдруг поймала себя на мысли, что впервые разглядела его по-настоящему. Немного за сорок. Уверенный. Привыкший, что его слушаются. Но не глупый.

Я вышла и прикрыла за собой дверь. На моё удивление, решение приняли уже на следующий день. Без дополнительных вопросов, без торгов. Я мысленно поставила руководству первую зелёную галочку.

Хотя вопрос расширения штата я пока ещё даже не поднимала. Но всему своё время.

Столичная жизнь закалила меня профессионально. Она научила вести переговоры с кем угодно — с контрагентами, сотрудниками, проверяющими органами и руководителями. Обладая тем опытом, который был у меня к тому моменту, я чувствовала себя уверенно рядом с руководством небольшой региональной компании. А в некоторых вопросах — даже сильнее.

Когда Станислав Юрьевич сообщил Светлане о повышении, девушка буквально засияла. Щёки порозовели, глаза заблестели.

— Спасибо вам, Олеся Егоровна! — воскликнула она и бросилась меня обнимать.

На глазах у неё выступили слёзы. Я почувствовала тепло её благодарности — почти осязаемое, как прикосновение.

— Что случилось? — с раздражением спросила Юлия, отрываясь от своих бумаг.

— Ничего...

Светлана смутилась, потом наклонилась ко мне и прошептала — нарочито громко, так, что слышали все:

— Мне зарплату повысили. В два раза!

Юлия резко изменилась в лице. Побелела, потом покраснела. Её пальцы сжали ручку так, что побелели костяшки.

— Ничего себе! И за какие такие заслуги?

— Олеся Егоровна добилась, — счастливо выдохнула Светлана, не замечая напряжения.

— Но и обязанностей у тебя станет гораздо больше, — сказала я достаточно громко, чтобы остальные не решились, будто деньги появились просто так. Светлана кивнула, не переставая улыбаться.

— А мне работа в бухгалтерии найдётся? — неожиданно спросила Настя, поднимая голову от кипы писем. — У меня вообще-то тоже диплом экономиста.

— Посмотрим. Проверим навыки, — ответила я, заметив, как дёрнулась Юлия.

— Тебя вообще-то брали мне в помощь, — резко бросила она. — Так что все вопросы сначала согласовывай со мной.

Настя тут же опустила взгляд и обиженно надула губы — совсем по-детски. Ей было лет девятнадцать. Ошибалась часто, за что регулярно получала выговоры от Юлии. Позже я поняла: Юлия обладала большим количеством амбиций, чем управленческих навыков. Она не умела учить, только критиковать.

Настоящий руководитель, принимая на работу неопытного специалиста, должен прежде всего научить его работать. Терпеливо и последовательно. Но здесь ситуация выглядела иначе: каждый был сам за себя, и воздух в кабинете пах конкуренцией.

Мы все располагались в одном помещении — в полуподвале, с маленькими окнами под самым потолком, сквозь которые пробивался мутный свет с уровня тротуара. Меня это категорически не устраивало. По вечерам ломило поясницу, к вечеру тяжелела голова, и казалось, что солнечного света я не видела уже несколько месяцев.

Жизнь крота — так я это называла про себя.

Поэтому следующим пунктом моего списка требований к руководству должен был стать поиск нового офиса. Нормального. С окнами. С солнечным светом. Потому что жизнь в подвале плохо влияет не только на здоровье молодых женщин, но и на результаты их работы.

Я вышла на улицу в обеденный перерыв, вдохнула апрельский воздух — ещё прохладный, но уже обещающий тепло.

ГЛАВА 2

Олеся

На новом месте работы я чувствовала себя превосходно и с головой погрузилась в дела. Сейчас это было именно то, что нужно: цифры, отчёты, проводки — никаких лишних мыслей, никаких мужских взглядов, от которых становится не по себе. Только я и бухгалтерия. Только порядок, который я наводила с упрямством человека, слишком хорошо знающего, что такое хаос.

Приближался день развода. А значит, предстояла поездка в столицу — туда, где когда-то была моя жизнь, а теперь остались только незакрытые договоры и подписи на бумагах, которые поставят точку в одном из самых долгих моих заблуждений.

Все рабочие вопросы с руководством решались либо по телефону, либо во время их редких визитов в офис, когда требовалось подписать документы или обсудить что-то важное лично.

Да, руководителей у нас было двое. Один белый, другой серый. По крайней мере, именно так я мысленно их окрестила в первый же месяц работы. И эта внутренняя шутка закрепилась настолько прочно, что позже я уже не могла думать о них иначе.

Оба были весьма колоритными персонажами: уверенные в себе, спортивные, хорошо одетые, слегка высокомерные и на первый взгляд довольно небрежные в общении с подчинёнными. Такие мужчины привыкли, что женщины задерживают на них взгляд дольше, чем следовало бы. И, кажется, воспринимали это как должное.

Правда, позже выяснилось, что первое впечатление оказалось далеко не самым точным. В эту компанию я вообще попала почти случайно.

Увидела вакансию, отправила резюме, прошла тестирование, которое, на мой взгляд, имело весьма отдалённое отношение к обязанностям главного бухгалтера. Вопросы были странными — больше похожими на проверку стрессоустойчивости и умения врать без дрожи в голосе, чем на профессиональный отбор.

Я уже мысленно поставила на этой истории крест. Решила, что провалилась. Однако на следующее утро мне позвонили и пригласили на собеседование.

Гораздо позже я узнаю подробности того тестирования и услышу от самих руководителей, какое первое впечатление произвела на них. Оказывается, меня проверяли не столько на знание налогового кодекса, сколько на способность сохранять лицо в неудобной ситуации. Как сказал потом один из них: «Ты единственная, кто не пытался нам понравиться. Это и подкупило».

Но это будет спустя год.

А тогда я просто приехала в офис. Полуподвальное помещение с тусклым светом, запах перекипевшего кофе и чьей-то дорогой парфюмерии, смешавшейся с офисной пылью. Два мужчины в дорогих костюмах сидели напротив, и от их взглядов веяло холодной оценкой. Я вдруг отчётливо поняла: они не просто смотрят на кандидата. Они сканируют.

— По какой причине вы ушли с предыдущего места работы? — спросил блондин с голубыми глазами, откинувшись в кресле и сцепив руки за головой.

Кажется, его звали Станислав.

Позже я принципиально стала обращаться к руководителям исключительно по имени и отчеству. Это был не пафос — это был способ сохранить дистанцию. В моей профессии дистанция спасает от многих ошибок.

— В связи с переездом из столицы в ваш славный город, — ответила я, спокойно выдержав его взгляд.

Приставку «бес-» я благоразумно оставила при себе.

Я никогда не умела заискивать перед начальством. Если уж в крупных московских компаниях не испытывала священного трепета перед руководителями, то и в небольшом провинциальном городе менять свои привычки не собиралась.

Впрочем, демонстрировать превосходство тоже не входило в мои планы.

Во-первых, работа мне действительно была нужна. Во-вторых, предлагаемая зарплата по местным меркам выглядела весьма достойно. А в-третьих, жизнь научила меня уважительно относиться к людям независимо от их положения и статуса. Даже к тем, кто смотрит на тебя с лёгкой усмешкой, как будто заранее знает, что ты согласишься на любые условия.

— И что заставило вас переехать из столицы в наш маленький город? — с искренним интересом спросил второй собеседник.

Высокий брюнет со смуглой кожей и правильными чертами лица выглядел так, словно только что сошёл с обложки регионального глянцевого журнала. В его внешности явно угадывались восточные корни — тёмные глаза, резкие скулы, сдержанная пластика хищника, привыкшего не показывать когти раньше времени. Он смотрел не так, как Станислав. Не оценивающе, а скорее выжидающе — будто хотел понять, насколько я опасна.

— Личные обстоятельства, — легко ответила я.

Я всегда считала, что честность помогает быстрее выстроить доверительные отношения. Но не сейчас. Не с этими мужчинами. В их присутствии я вдруг остро ощутила, как важно оставить себе пространство для манёвра. Слишком уверенные, слишком привыкшие получать желаемое. Такие не любят, когда всё раскладывают перед ними как на ладони.

— Кстати, совсем скоро мне потребуется поездка в Москву.

— Зачем? — одновременно спросили мужчины и переглянулись.

Этот синхронный жест почему-то рассмешил меня внутри. Как будто они привыкли принимать решения вдвоём настолько давно, что уже научились дышать в унисон.

— В суд.

Я спокойно посмотрела сначала на одного, потом на другого.

Оба молча ждали продолжения.

— На развод.

Я улыбнулась. Улыбка вышла чуть грустной — не нарочно, просто воспоминания нахлынули. Столько лет потрачено, столько надежд разбито, а сейчас я говорю об этом так же буднично, как о смене поставщика канцелярии.

— Понятно, — протянул Станислав. — А то я уже подумал, что вы неспроста из столицы сбежали.

Он усмехнулся, а его коллега откровенно рассмеялся — открыто, громко, без тени смущения. И в этом смехе было что-то обезоруживающее.

Если задуматься, практически все мои смены работы были связаны исключительно с переездами. Получалась довольно забавная закономерность: новый этап жизни — новая работа. Как будто я меняла не только город, но и саму себя.

— Поэтому, если вы всё-таки утвердите мою кандидатуру, я сразу предупреждаю о предстоящей поездке. Повестку из суда приложу к заявлению на отпуск.

Мужчины переглянулись ещё раз. Кажется, подобной откровенности они не ожидали. В их мире женщины, наверное, чаще скрывали разводы, делали вид, что ничего не случилось, носили обручальные кольца ещё год после расставания. А я достала паспорт и показала штамп о расторжении брака, когда он появился.

— Сразу признаюсь, — продолжила я, — в компаниях такого профиля мне раньше работать не приходилось. Но я уверена, что быстро разберусь.

Я сделала короткую паузу. Тишина в кабинете стала плотной, как перед грозой.

— Законодательство Российской Федерации одинаково действует по всей стране. Налоговые органы работают по единым правилам. Бухгалтерские стандарты тоже едины для всех организаций.

Собеседники внимательно слушали. Не получив вопросов, я продолжила:

— Всё, чего я пока не знаю, я изучу. Сейчас век технологий и интернета. А если понадобится консультация, всегда можно позвонить напрямую специалистам профильных ведомств и получить информацию из первых рук.

Похоже, моя уверенность произвела впечатление. Потому что уже вечером мне сообщили, что моя кандидатура одобрена.

— Ещё бы, — усмехнулась я, положив трубку.

А следующим утром, проводив детей в школу, отправилась на новую работу.

Во время поездки в Москву я познакомилась с интересной женщиной. Её звали Елена. Она ехала в столицу на операцию по коррекции зрения и всю дорогу нервно теребила ремень безопасности — так, что я боялась, что она сломает замок.

Разговорились быстро. В поездках вообще легко начинать разговоры с незнакомцами — не нужно смотреть в глаза, можно смотреть в окно, за которым пролетают чужие города, и говорить почти правду.

Оказалось, что Елена тоже бухгалтер и совсем недавно проходила собеседование в ту же компанию, где теперь работала я. Судя по всему, её кандидатуру отклонили, хотя сама она ещё надеялась на звонок. Я не стала ничего комментировать. Во-первых, не знала всех обстоятельств. Во-вторых, вполне допускала, что компании может потребоваться ещё один специалист.

В конце концов, бухгалтерский учёт вёлся сразу в нескольких организациях, принадлежащих моим новым работодателям.

Елена оказалась чрезвычайно разговорчивой. Причём большую часть времени рассказывала вовсе не о себе, а о моих руководителях. Её голос стал тише, когда она перешла на их имена, и в этом понижении тона было что-то почти интимное — как будто она делилась запретной тайной.

До этого я никогда не слышала фамилии Городецкий и Баров. Ни одна из них ничего мне не говорила. Провинциальный город имел свою иерархию, свои легенды, своих героев и злодеев. Мне предстояло в этом разобраться.

— Да ты что! — искренне удивилась Елена. — У нас в городе это едва ли не самые известные люди. Половина города мечтает у них работать, а вторая половина терпеть их не может.

— Странно, — ответила я. — Мне они показались вполне приятными мужчинами. И насколько я знаю, оба давно и счастливо женаты.

— О-о-о, — протянула она, и в этом протяжном звуке было столько многозначительности, что я невольно насторожилась. — Если бы ты только знала...

После этого началась целая лекция. Слушать было любопытно. Однако я с детства не привыкла составлять мнение о человеке исключительно по чужим рассказам. Сплетни — это воздух маленьких городов. Им дышат все, но выживают только те, кто не принимает их слишком близко к сердцу.

Со слов Елены выходило, что господин Городецкий — именно так она его называла, с придыханием и уважением — в молодости имел тесные связи с криминальной средой, но со временем полностью перешёл в легальный бизнес.

Что ж, подумала я тогда, скоро сама увижу, насколько этот бизнес легален. В моей профессии такие вещи скрыть невозможно. Цифры не врут. Если что-то нечисто, рано или поздно

это вылезет наружу — через баланс, через отчётность, через банковские выписки. Бухгалтер видит душу компании. Иногда даже ту, которую хозяева предпочли бы спрятать.

Баров же, по её словам, был известен благодаря своей матери. Женщина имела цыганские корни и в прошлом якобы была связана с местным наркобизнесом. Теперь же она давно отошла от дел и занималась пошивом одежды на дому.

Впрочем, всё это относилось к далёкому прошлому. А прошлое — вещь неоднозначная. У кого из нас нет собственных скелетов в шкафу? Как говорится в Писании: «Кто без греха, пусть первым бросит камень».

Поэтому рассказы Елены я выслушала с интересом, но без особых выводов. Даже если исходить из того, что люди меняются далеко не всегда, право на второй шанс есть у каждого. К тому же кто, как не главный бухгалтер, знает одну простую истину: абсолютно прозрачная бухгалтерия вовсе не гарантирует высокой прибыли. Иногда даже наоборот.

Я откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза. За окном проплывали леса, поля, редкие деревни. Где-то там, впереди, меня ждал суд. А где-то совсем рядом — новая жизнь, в которой я ещё не знала, кому буду плакать в подушку по ночам.

Поезд мерно стучал колёсами, и в этом стуке мне послышалось что-то похожее на предупреждение. Но я тогда не придавала этому значения.

Я никогда не умела слышать предупреждения. Особенно когда была уверена, что всё держу под контролем.

ГЛАВА 3

Апрель 2016 года

Алия

— Ярослав, милый...

Я подошла к своему мужчине, сидевшему за ноутбуком, и обняла его со спины. Ладони легли на его плечи — твёрдые, привычные. Я почувствовала, как он чуть напрягся под моими пальцами, и это короткое движение почему-то кольнуло меня. Раньше он расслаблялся от моих прикосновений. Раньше...

— Вероника звонила, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Спрашивала, может ли приехать к нам переночевать.

— Пусть приезжает, — коротко ответил муж, не отрывая взгляда от экрана.

— Они с Андреем опять поругались. Он её избил.

— Я же сказал: пусть приезжает. Не проблема.

Так всегда бывало, когда я отвлекала его от дел. Хотя сейчас он всего лишь сидел во «ВКонтакте», и ничего особенно важного я там не заметила. Лента новостей, чужие фотографии, случайные репосты. Впрочем, спорить не стала. Перезвонила Веронике и сообщила, что Ярослав не против, если она снова приедет к нам вместе с девочками.

Теперь мы могли позволить себе помогать друзьям. Наконец-то жизнь начала налаживаться. Ярослав устроился на новую работу в компанию своего лучшего друга Станислава Городецкого, и его доходы заметно выросли. Мы оформили ипотеку на выгодных условиях — всё-таки я работала в банке, знала, где искать лучшие проценты, где можно нажать, а где лучше промолчать.

Но главным моим счастьем было другое. Я была беременна. Совсем скоро мы с Ярославом должны были стать родителями. Несколько долгих месяцев у нас ничего не получалось. Мы прошли множество обследований, проверялись оба, сдавали анализы, ездили к разным врачам, но беременность всё не наступала.

Я молилась. Просила о ребёнке и Аллаха, и христианских святых. Кого только не просила. Зажигала свечи в церквях, читала суры дома, шептала что-то в темноту, когда Ярослав уже спал. Отчаяние было таким плотным, что иногда я просыпалась среди ночи с мыслью: а вдруг никогда?

Но теперь всё позади.

Ярослав мечтал о сыне. Да и я тоже. Дочки у нас уже были. У Ярослава от первого брака росла Каролина — девочка с его глазами и его же упрямством, которую я старалась полюбить, хотя иногда это было непросто. У меня от первого брака — Лея.

Лея. Моя девочка. Ей уже почти пятнадцать, и с каждым месяцем я чувствую, как она отдаляется. Не от мира — от меня. Будто я стала для неё не матерью, а надзирателем. И я не знаю, как вернуть ту теплоту, что была между нами, когда она ещё верила, что я могу защитить её от всего.

Вероника появилась на пороге буквально через несколько минут после моего звонка, словно всё это время уже стояла где-то рядом и ждала разрешения войти. Я открыла дверь — и увидела её заплаканное лицо, распухшие глаза, синяк, который она даже не пыталась прикрыть тональным кремом.

— Привееет... — протянула она сквозь слёзы, обнимая меня.

Мне было её искренне жаль. Молодая, стройная, красивая женщина с большими серо-голубыми глазами регулярно становилась жертвой вспышек ярости своего мужа. Не впервые она убегала среди ночи и находила убежище у нас. Наверное, мне было жаль её ещё и потому, что когда-то я сама жила так же.

Мой первый муж Марат тоже поднимал на меня руку. Иногда мне казалось, что та жизнь никогда не закончится. И самое страшное — долгое время меня это устраивало. Или я просто убеждала себя в этом.

Верным мужем Марат не был никогда. Разве что первые годы после свадьбы, пока мы ещё были влюблены друг в друга. Тогда мне казалось, что его поцелуи пахнут свободой, а его руки — защитой. Потом родилась Лея.

А вскоре в моей жизни появилось слово, которое я возненавидела всей душой. Измена.

Мы жили в небольшом городе, где каждый знал каждого. Там невозможно ничего скрыть. Люди постоянно намекали мне на похождения мужа. Иногда говорили прямо — в глаза, с сочувствием или со злорадством, я уже не разбирала.

Я ненавидела женщин, с которыми он изменял. Ненавидела соседок, приносивших новости. А потом начала ненавидеть и самого Марата. Прощала ли я его? Нет. Я ничего не забывала. Каждая измена оседала внутри тяжёлым осадком, постепенно отравляя сердце. Оно билось всё тише, как будто готовилось остановиться.

Я была молодой и привлекательной. Знала, что нравлюсь мужчинам. Предложения поступали регулярно. Разные предложения. Долгое время меня удерживал страх. Страх огласки. Страх осуждения. Страх стать такой же, как он.

Но однажды я всё-таки переступила черту.

Во время рабочей командировки. Наш банковский форум проходил в областном центре и длился три дня. Лея осталась с бабушкой. А я впервые за долгое время захотела почувствовать себя не женой неверного мужа, а просто желанной женщиной.

Поэтому ухаживания одного из коллег приняла без особых колебаний.

Тогда мне казалось, что никто никогда об этом не узнает. Было ли мне стыдно на следующее утро? Нет. Нисколько. Марат ничего не узнал. Подруги сохранили мою тайну. Жизнь продолжалась.

Позже мужа перевели работать в другой город, и мы переехали. Мне казалось, что все неприятности остались позади. Как же я ошибалась.

Однажды вечером Марат неожиданно спросил:

— Алия, как ты смотришь на то, чтобы разнообразить нашу интимную жизнь?

Я замерла. В его голосе было что-то новое — не привычная властность, а скорее острое любопытство. Как будто он предлагал не эксперимент, а проверку.

— Что именно ты имеешь в виду?

Я никогда не была ханжой и всегда старалась учитывать желания своего мужчины.

— Я хочу пригласить ещё одну женщину.

Он обнял меня со спины — так же, как я только что обнимала Ярослава. Тогда этот жест казался мне естественным. Сейчас, вспоминая, я чувствую только холод.

— Хочу попробовать отношения втроём.

Я резко отстранилась.

— Тебе мало женщин на стороне? Теперь ещё и домой кого-то привести хочешь?

Марат только усмехнулся.

— Взамен можешь завести себе любовника. Обещаю, ревновать не буду.

Это прозвучало как издевательство. Словно он великодушно разрешал мне делать то, что сам давно позволял себе без всяких разрешений. И со временем я действительно начала жить по этим правилам.

У меня были мужчины. Кто-то появлялся лишь однажды — на одну ночь, на один город, на одно забытое прикосновение. Кто-то оставался в моей жизни дольше. Я старалась скрывать всё от родственников и особенно от дочери.

Но однажды ситуация вышла из-под контроля.

Я познакомилась с Ахмедом. Он был турком. Умным. Красивым. Уверенным в себе. И невероятно обеспеченным. Когда его командировка подошла к концу, он предложил мне уехать вместе с ним. И я всерьёз об этом задумалась. Потому что впервые за много лет испытывала не только физическое влечение.

Я была влюблена.

Наверное, он тоже. По крайней мере, тогда мне так казалось.

Но нашему побегу не суждено было случиться. Когда Марат узнал о моём намерении подать на развод, он избил меня так жестоко, что я почти месяц провела на больничном. Ахмед уехал без меня. А я осталась. Снова рядом со своим тираном. Снова рядом с человеком, которого давно перестала любить.

По сравнению с тем, что тогда произошло со мной, нынешний синяк на лице Вероники выглядел почти безобидно. Хотя любая поднятая на женщину рука — уже трагедия. Я знала это лучше многих.

Мы с Вероникой были близкими подругами. Она часто рассказывала о своей жизни. Я знала, что у неё есть постоянный любовник. Но имени его никогда не спрашивала. Да и не хотела знать. У каждого человека должны оставаться собственные тайны.

С Ярославом тоже всё начиналось непросто.

Когда между нами вспыхнули чувства, мы оба состояли в отношениях. Я была его любовницей. Он — моим любовником. Позже судьба распорядилась иначе. Через полгода Ярославу надоело видеть следы побоев на моём лице.

Однажды он приехал к Марату, серьёзно поговорил с ним по-мужски, а затем забрал меня и Лею. К тому времени он уже расстался с женщиной, с которой жил. И ничто не мешало нам начать новую жизнь.

Мы долго привыкали друг к другу. Учились жить вместе. Ссорились. Мирились. Строили общий быт. Я любила Ярослава. Очень сильно. Наверное, именно поэтому ревновала его гораздо больше, чем следовало.

Однажды моя ревность едва не разрушила наши отношения. Но мы сумели всё пережить. Именно тогда мы дали друг другу обещание. Простое и очень важное.

Никогда не изменять.

Ни при каких обстоятельствах.

Я была уверена, что смогу его сдержать. Если своё обещание сдержит и он.

Я стояла у окна и смотрела, как зажигаются огни в соседних домах. Вероника уже уложила девочек, и в квартире стало тихо. Где-то за стеной Ярослав возился с проводами — он всегда что-то чинил по вечерам, когда не мог уснуть.

Я провела ладонью по животу, ещё плоскому, но уже хранящему в себе новую жизнь. Сын. Его сын. Наш сын. Мне казалось, что с его рождением все трещины затянутся, все сомнения исчезнут, и мы снова станем той командой, которой были в первые годы.

Я закрыла глаза и представила наше будущее: тёплые вечера, смех детей, его руки на моей талии, когда мы танцуем на кухне под случайную музыку. Такой простой сценарий. Такой недостижимый.

— Алия, иди спать, — голос Ярослава прозвучал из глубины коридора, усталый, но спокойный.

— Сейчас.

Я задержалась у окна ещё на минуту. В стекле отражалась женщина, которую я почти не узнавала — счастливая, испуганная, полная надежд, которые могли оказаться хрупкими, как первый лёд.

Мы дали друг другу слово. И я верила, что это слово что-то значит.

Я верила.

Потому что если перестать верить — то на что вообще остаётся опереться?

ГЛАВА 4

Вероника

— Алия, дорогая, привет.

Я набрала номер жены своего любовника, сидя в такси на противоположной стороне улицы. Мимо проплывали редкие машины, фонари бросали жёлтые блики на мокрый асфальт после недавнего дождя. Я видела их окна — тёплый свет, шторы, за которыми текла чужая жизнь. Скоро я войду в эту жизнь. Как всегда.

Мы дружили ещё со времён работы в одном банке. Алия была доброй, доверчивой, немного наивной. Она верила людям. Слишком легко. Слишком. Я ценила в ней это — и одновременно презирала. Презирала за то, что она не видит того, что лежит прямо перед её носом.

— Привет, Ника. Что у тебя с голосом? — сразу насторожилась Алия.

Я на секунду задержала дыхание, делая голос более дрожащим. Не переигрывая, ровно настолько, чтобы вызвать сочувствие, но не подозрение. Я хорошо это умела.

— Мы с Андреем опять поссорились. Он снова меня приревновал и ударил, — жалобно произнесла я. — Можно мы с девочками переночуем у вас?

— Подожди минутку. Я сейчас спрошу у Ярослава и перезвоню, хорошо?

— Конечно, дорогая. Буду ждать.

Связь оборвалась.

Я усмехнулась, откинувшись на сиденье. Таксист молча смотрел в зеркало заднего вида, но я проигнорировала его взгляд. Он думал, что везёт несчастную женщину к подруге. Если бы он знал...

Я прекрасно знала, каким будет ответ. Мы с Ярославом всё обсудили заранее. За час до этого он написал мне: «Сегодня сможешь?». Я ответила: «Да. Как обычно».

Более того, сегодняшний скандал с мужем я сама умело спровоцировала. Синяк на лице появился именно так, как и было задумано — случайно, но удачно. Андрей даже не понял, что сделал это не сам, а под моими направляющими словами. «Ты меня не ценишь», — сказала я, и он занёс руку. Бинго.

Я не гордилась этим. Но и не стыдилась. В моей жизни были вещи и похуже.

Ярослав всё ещё не оставлял своих странных фантазий и продолжал надеяться однажды втянуть в свои игры собственную жену. Но меня это мало интересовало. Я не собиралась разрушать его семью. Мне просто нравилось быть с ним. Чистое, без обязательств, удовольствие от того, что он сильный, уверенный, и в его объятиях я забывала, что дома меня ждёт человек, который называет себя мужем.

Мы работали в одной компании и уже несколько месяцев были любовниками.

Ярослав был из тех мужчин, которые сразу притягивают внимание: уверенный, харизматичный, физически сильный и прекрасно осознающий своё влияние на женщин. Он не был красавцем в классическом смысле — черты лица слишком грубые, рост невысокий. Но в нём было что-то животное, что заставляло женщин замедляться, когда он проходил мимо.

Я заметила его ещё до того, как он заметил меня. И сделала всё, чтобы это произошло.

Наша история началась полгода назад после одного из корпоративов.

Тогда я попросила его отвезти меня и подругу Лизу домой. Честно говоря, я давно хотела его соблазнить. Он делал вид, что не замечает моих намёков — вежливые улыбки, случайные прикосновения, слишком долгие взгляды на кофе-брейках. Но я не верила в его безразличие. Мужчины не бывают равнодушны к тому, что им предлагают. Они просто выбирают момент.

Когда мы почти доехали до дома Лизы, я шепнула ей свою идею. Она мгновенно всё поняла и поддержала игру. Лиза была хорошей подругой — без лишних вопросов, без осуждения.

В машине мы начали откровенно флиртовать друг с другом, прекрасно понимая, что водитель наблюдает за происходящим через зеркало заднего вида. Я придвинулась ближе к Лизе, провела пальцами по её волосам, наклонилась к уху и что-то прошептала — не важно что, важно как. Лиза засмеялась, запрокинув голову, и её смех разнёсся по салону, как приглашение.

Я видела его взгляд. Видела, как меняется выражение лица. Как с каждым нашим движением в его глазах загорается что-то, что он уже не может скрыть. Интерес. Желание. Голод.

Честно говоря, исход того вечера был для меня очевиден.

— На чай пригласите? — с улыбкой спросил он, когда мы остановились возле дома.

— Даже накормим, — рассмеялась Лиза.

— И не только, — добавила я, глядя на него в упор.

— Пожалуй, ограничусь чаем, — ответил Ярослав, но в его голосе уже не было прежней сдержанности.

Я только улыбнулась. Конечно.

Добравшись до квартиры, мы продолжили начатую игру. Я включила музыку, Лиза открыла вино, а я сняла туфли и прошла босиком по ковру, чувствуя, как он смотрит. Он стоял в дверях, держа пакет со сладостями, которые купил по дороге — жест, который должен был выглядеть невинно, но уже не мог.

А когда Ярослав вернулся из магазина, сомнений у него уже не осталось.

Та ночь была жёсткой, быстрой, почти грубой. Он не спрашивал разрешения — он брал. И мне это нравилось. После Андрея, который был в постели робким и предсказуемым, Ярослав казался ураганом. Я выгибалась под ним, кусала губы, чтобы не закричать, и думала только об одном: почему я не сделала этого раньше?

После той ночи наши отношения изменились. Мы стали любовниками.

Я продолжала дружить с Алией, часто бывала у них дома, и потому наша близость ни у кого не вызывала подозрений. Ни у неё. Ни у моего мужа.

Только мама сразу всё поняла. Она всегда говорила, что не верит в дружбу между мужчиной и женщиной. «Никогда, дочка, — сказала она, когда я впервые рассказала о Ярославе. — Рано или поздно один из них захочет большего». Я тогда отмахнулась. Сейчас понимала — мама была права. Но не в том смысле, в каком я думала.

Алия перезвонила довольно быстро. Разумеется, разрешила приехать. Я выждала несколько минут для приличия — достаточно, чтобы выглядеть правдоподобно, но не слишком, чтобы не возникло вопросов. Потом взяла дочерей за руки, вышла из такси и направилась к подъезду.

— Привеет, — протянула я, обнимая подругу и изображая очередной приступ отчаяния.

Алия искренне мне сочувствовала. Я видела это по её глазам — влажным, встревоженным. Она обняла меня крепче, погладила по спине, прошептала: «Всё будет хорошо, Ника». Она всегда так говорила. Всегда верила, что всё будет хорошо.

А вот Ярослав, выглянувший из спальни, смотрел совсем иначе. В его взгляде читалось предвкушение. Он стоял в дверях, скрестив руки на груди, и наблюдал за мной с той лёгкой усмешкой, которая появлялась у него, когда он знал то, чего не знали другие.

Каждый раз, когда я оставалась у них ночевать, он находил возможность остаться со мной наедине. Короткий разговор на кухне, случайное прикосновение в коридоре, взгляд через всю комнату, который ничего не значил для посторонних и всё значил для нас.

Алия много работала и сильно уставала. Теперь же, во время беременности, она и вовсе старалась избегать близости с мужем, опасаясь навредить долгожданному ребёнку. Я её понимала. Правда. И, если быть честной, это обстоятельство меня вполне устраивало.

Ночь давно вступила в свои права. Квартира погрузилась в тишину. Лишь редкие звуки нарушали спокойствие спящего дома — где-то за стенкой зашумела труба, за окном проехала редкая машина.

Я лежала в гостевой комнате, притворяясь спящей, но внутри всё кипело. Мне нравилось ощущение риска. Нравилось понимать, что нас отделяет от разоблачения всего одна случайность — скрип половицы, детский плач, внезапно проснувшаяся Алия. Наверное, именно поэтому эти отношения так затягивали. Не сам секс — хотя с ним было хорошо. А этот почти наркотический адреналин от мысли: сейчас, прямо сейчас нас могут поймать.

В какой-то момент мне даже захотелось, чтобы Алия всё узнала. Не потому, что я хотела причинить ей боль. Скорее потому, что меня раздражала её безоговорочная вера в мужа. Иногда чужая наивность действует на нервы сильнее откровенной лжи. Она смотрит на него с таким доверием, а он спит с её подругой у неё под боком. И она ничего не замечает.

Но в ту ночь всё пошло не по плану.

Из спальни слышались шаги. Ярослав мгновенно напрягся — я почувствовала это даже через стену. Через секунду открылась дверь.

— Яр? — сонно позвала Алия.

Я закрыла глаза и сделала вид, что сплю. Сердце колотилось от возбуждения и ожидания. Кровь стучала в висках, и я боялась, что она услышит этот стук.

— Алия, иди ложись, — ответил он удивительно спокойно.

— А что ты здесь делаешь?

— В туалет вставал.

— Мне какие-то звуки слышались...

Несколько секунд повисла тишина. Я задержала дыхание.

— Веронике, наверное, опять кошмар приснился, — наконец сказал Ярослав. — После таких скандалов с мужем неудивительно.

Я едва удержалась от смеха. Находчивости ему было не занимать. Он врал так легко, так естественно, что даже я, знавшая правду, на секунду засомневалась.

— А почему ты вообще здесь стоишь? — недоверчиво спросила Алия.

— Да просто мимо проходил.

Судя по голосу, объяснение её не убедило. Но спорить она не стала. Через минуту супруги вернулись в спальню.

Я повернулась на другой бок, стараясь сохранить серьёзное выражение лица. Меня буквально распирало от смеха — нервного, почти истерического. Я закусила губу, чтобы не рассмеяться вслух.

Спустя некоторое время Ярослав снова появился в комнате.

Он сел на край дивана, где я лежала, и на секунду его ладонь накрыла мою. Жест был быстрым, почти неуловимым, но я почувствовала тепло его пальцев и то, как он слегка сжал мою руку — предупреждающе или ободряюще, я не разобрала.

— Спи, — тихо сказал он. — Сегодня нам и так повезло.

— А если однажды всё раскроется? — шёпотом спросила я, хотя внутри знала ответ.

Он усмехнулся — той самой усмешкой, от которой у меня внутри всё переворачивалось.

— Не раскроется.

В его голосе звучала такая уверенность, словно он действительно верил, что способен контролировать всё происходящее вокруг. Словно жизнь — это шахматная партия, где он всегда выигрывает.

Но жизнь обычно любит разрушать именно такие убеждения.

Я закрыла глаза и почувствовала, как его пальцы отпускают мою руку. Он встал и бесшумно вышел. А я осталась лежать в темноте, прислушиваясь к дыханию спящих детей, к редким звукам из спальни, к собственному сердцу, которое никак не хотело успокаиваться.

И думала о том, как странно устроена жизнь: я лежу в доме женщины, которая считает меня своей лучшей подругой, и жду, когда её муж снова придёт ко мне.

Мы играли с огнём.

Но мне почему-то казалось, что обжечься придётся не мне.

ГЛАВА 5

Июнь 2016 года

Олеся

Он появился в офисе ближе к обеду. Приехал по каким-то делам к нашему юристу Юлии. Я лишь мельком взглянула в его сторону и сразу поняла, что это тот самый «безопасник», о котором так любили судачить сотрудницы.

Невысокий, крепко сложенный мужчина с заметно накачанными плечами и короткой бородой, больше похожей на недельную щетину. Лицо у него не было особенно красивым или запоминающимся. Правильные, но не яркие черты. Такое лицо легко теряется в толпе.

Но было в нём что-то другое.

Какая-то внутренняя сила. Уверенность. Та самая мужская харизма, которую сложно описать словами, но невозможно не заметить. Она проявлялась не во внешности — в том, как он вошёл: без лишних звуков, без привлечения внимания, но всё пространство вокруг него будто сжалось.

На долю секунды внутри меня неожиданно прозвучала странная мысль: «Этот мужчина будет моим».

Я тут же мысленно отвесила себе подзатыльник. Нашла о чём думать.

После болезненного развода мне вообще не хотелось никаких отношений. Да и не была я к ним готова. Только-только начала приходить в себя. Освоилась на новой работе. Постепенно обрела эмоциональное равновесие. Жизнь наконец начала входить в нормальное русло.

Зачем всё усложнять?

— Привет, Ярослав, — расплылась в улыбке Юлия.

Я автоматически отметила, что мужчина отреагировал на приветствие слишком спокойно и привычно. На мгновение мне даже показалось, что это муж Юлии. Кажется, его тоже звали Ярослав.

Я снова мысленно себя одёрнула. Но любопытство всё-таки взяло верх.

Позже, имея доступ к кадровой базе, я просмотрела информацию о сотруднике. Тридцать пять лет. Женат. Этого оказалось достаточно. Мысленно я тут же поставила жирный крест.

Не моё.

За годы жизни я выработала для себя два простых правила.

Первое — не связываться с мужчинами младше себя. В идеале — и с ровесниками тоже.

Второе — никогда не вступать в отношения с женатыми.

Потому что это неправильно. По крайней мере, я всегда так считала.

В молодости я довольно жёстко осуждала женщин, которые становились любовницами семейных мужчин. Наверное, потому что сама однажды оказалась в похожей ситуации — но тогда я была не любовницей, а женой, которую предавали. И боль от чужой измены запомнилась на всю жизнь.

Ирония судьбы заключалась в том, что тот мужчина был не только женат, но ещё и младше меня на несколько лет. Два нарушения собственных принципов одновременно.

Впрочем, именно на собственных ошибках человек обычно учится лучше всего.

Я всегда выглядела моложе своего возраста. Да и сейчас выгляжу. Стройная фигура, лёгкая походка, хорошие гены. Несмотря на троих детей, многие по-прежнему принимали меня за девушку значительно младше моих лет.

Люди удивлялись, узнавая мой возраст. А я никогда его не скрывала. Наоборот. Мне нравилось то, какой я стала с годами.

В юности я была совсем другой. Неуверенной. Сомневающейся. Слишком зависимой от чужого мнения. Каждый косой взгляд мог испортить мне настроение на весь день.

С возрастом пришло понимание собственной ценности. И это было гораздо важнее внешности.

После одной весьма неприятной истории из прошлого я навсегда отказалась от попыток казаться моложе. С тех пор во всех социальных сетях указывала настоящий возраст. Когда-то мне было ужасно стыдно за ту ошибку — не измену, нет, а за слабость, за то, что позволила себя обмануть красивыми словами.

Но время умеет сглаживать даже самые острые углы памяти. Остаются не события. Остаются выводы. Именно они формируют нас как личность.

Вскоре выяснилось, что я ошиблась. Это действительно был тот самый Ярослав — сотрудник службы безопасности, о котором постоянно ходили слухи. Причём слухов было столько, что впору писать отдельный роман.

По версии офисного фольклора, у него был роман с нашей сотрудницей Вероникой. Причём Вероника тоже состояла в браке.

Я слушала эти разговоры вполуха. Во-первых, не любила сплетни. Во-вторых, была слишком новым человеком в коллективе. Ну а в-третьих, просто считала подобные обсуждения бессмысленными. Люди говорят — пусть говорят.

Однако некоторые факты всё же откладывались в памяти.

Например, я узнала, что жена Ярослава ждёт ребёнка. Эта информация почему-то особенно зацепила меня. Я представила её — беременную, счастливую, наверное, уверенную в своём муже. И внутри что-то кольнуло. Не ревность — скорее грусть. Как будто я заглянула в чужую жизнь и увидела там то, чего у меня самой никогда не было.

Но осуждать кого-либо я не собиралась. Кто я такая, чтобы судить чужую жизнь? Слишком хорошо знала цену человеческим ошибкам.

Да и вообще, чужая семья всегда остаётся территорией, закрытой для посторонних. Со стороны невозможно понять, что происходит между двумя людьми на самом деле. Идиллия на фотографиях в социальных сетях может скрывать скандалы, а внешнее благополучие — нежную любовь.

Ещё я давно убедилась в том, что фраза «от хороших жён не уходят» не имеет ничего общего с реальностью.

Уходят.

Изменяют.

Предают.

Причём не только плохих. Иногда изменяют красивым. Иногда умным. Иногда любящим.

Логика в подобных поступках присутствует далеко не всегда. Мужчины — они другие. Женщина не может до конца понять, что движет мужчиной, когда он рискует всем ради одного вечера с чужой. И наоборот.

Ярослав появлялся в нашем офисе нечасто, поэтому довольно быстро исчез из моих мыслей. Работы хватало с избытком. Да и коллектив постоянно подбрасывал новые темы для наблюдений.

Девочки обсуждали всё подряд. Начальство. Коллег. Клиентов. Чужие зарплаты. Чужие машины. Чужие семьи.

Иногда мне приходилось буквально возвращать их к работе. Особенно когда разговор заходил о руководстве. Кто на какой машине ездит. В каком ресторане ужинает. В каком спортзале занимается. Куда летает отдыхать. С кем живёт.

Я никогда не понимала подобного интереса к чужой жизни.

— В конце концов, это вы работаете на них, а не они на вас, — однажды строго сказала я сотрудницам. — Значит, они всё-таки знают что-то такое, что позволило им построить бизнес и создать рабочие места.

После подобных замечаний обычно наступала тишина. Ненадолго. Через некоторое время всё начиналось сначала.

Так, среди бесконечных разговоров и офисных легенд, я постепенно узнала, что Ярослав является близким другом одного из наших директоров — Станислава Юрьевича. Что на должность безопасника он пришёл после громкого увольнения своего предшественника Артура. И что именно поэтому стал объектом многочисленных шуток.

Особенно популярной была одна. Коллеги смеялись, что Вероника выступает исключительно за безопасный секс. Потому что сначала встречалась с предыдущим безопасником Артуром, а после его ухода переключилась на нового.

Шутка действительно была забавной. Если забыть о том, что речь шла о живых людях. А я никогда не любила смеяться над чужими судьбами.

С Вероникой я была знакома лично. Она производила приятное впечатление. Всегда улыбчивая. Доброжелательная. Вежливая. Каждый раз, когда я приезжала в центральный офис, обязательно предлагала кофе. Иногда я соглашалась. Скорее из вежливости. Хотя прекрасно понимала, что многие сотрудники стремятся поддерживать хорошие отношения с руководством. А к этой категории относили и меня.

У Вероники был приятный грудной голос и располагающая манера общения. Но всё равно я не понимала, что именно заставило Ярослава рисковать своей семьёй. Особенно когда дома его ждала беременная жена.

Тем более что фотографию его супруги я однажды увидела в социальной сети. Когда он отправил мне заявку в друзья.

Я заявку не приняла. Не люблю смешивать работу и личное пространство. Поэтому оставила его в подписчиках. Зато внимательно рассмотрела фотографии.

Алия Лиманова оказалась очень красивой женщиной. Светлая кожа. Правильные черты лица. Миндалевидные серо-голубые глаза. Тонкий нос. Мягкая улыбка. В её внешности чувствовалась восточная кровь и какая-то особенная женственность.

Я ещё раз посмотрела на фотографию и невольно покачала головой.

— И чего этим мужчинам не хватает? — пробормотала себе под нос.

И, как обычно, ответа на этот вопрос у меня не нашлось.

Внутри меня вдруг кольнуло странное чувство — что-то между любопытством и тревогой. Как будто я заглянула в чужую жизнь и случайно увидела там то, что мне не следовало знать. Но я тут же отмахнулась от этого ощущения.

Не моё дело.

Не моя семья.

Не моя история.

ГЛАВА 6

Ноябрь 2016 года

Олеся

Добро пожаловать в наш дружный серпентарий.

Эта фраза, однажды брошенная кем-то из сотрудников в коридоре, оказалась пророческой. Жизнь шла своим чередом, и змеи в нашем террариуме постепенно начинали шевелиться.

К тому моменту я уже больше полугода работала в компании, и за это время бизнес вырос настолько стремительно, что к концу года мы стали лидерами своего сегмента в регионе. Цифры в отчётах радовали глаз — даже мой придирчивый взгляд главного бухгалтера не находил в них изъянов.

Вместе с успехом пришли новые заботы.

Увеличились объёмы работы. Возросла ответственность перед контролирующими органами. Расширялась сеть подразделений — одно за другим, как грибы после тёплого дождя. Появлялись новые сотрудники, новые договоры, новые проблемы, которые нужно было решать здесь и сейчас.

Очень скоро стало очевидно, что наш старый офис — тот самый полуподвал, где я начинала — больше не справляется с потребностями компании.

Маленькая комната, заваленная коробками с договорами, поступавшими со всех филиалов, уже с трудом вмещала существующий штат. Люди сидели буквально друг у друга на головах. Воздух спёртый, света мало, к вечеру болели глаза. О каком нормальном рабочем процессе можно было говорить?

Поэтому вопрос переезда был лишь делом времени.

И вот этот день настал.

Новый офис располагался в центре города.

Светлый, просторный, современный. Два больших кабинета для сотрудников и отдельный кабинет для руководителей. Последний, к слову, был оформлен с особым размахом — кожаные кресла, массивный стол, картины на стенах. Директора не пожалели средств на дизайнерский ремонт и даже сделали качественную шумоизоляцию.

Я зашла туда впервые и невольно задержала взгляд. У них была своя кухня, свой санузел, отдельный вход. Мир, в который рядовым сотрудникам вход был заказан.

Кабинет руководства находился за дверью бухгалтерии, поэтому вопрос конфиденциальности обсуждений был для них принципиальным. Они не хотели, чтобы их разговоры становились достоянием коллектива. И я их понимала — в женском коллективе любое слово обрастает слухами быстрее, чем успевают долететь до адресата.

Естественно, вместе с переездом начались офисные интриги.

Вернее, начались они ещё до переезда.

Первый серьёзный конфликт возник из-за распределения кабинетов. Юридический отдел и бухгалтерия претендовали на одинаково хорошие помещения. Юлия, как старший юрист, пришла ко мне с видом человека, который не привык уступать.

— Олеся, нам нужно больше пространства. У нас документов — море, исковые заявления, договоры. Вы же видите.

Я спокойно посмотрела на неё.

— Юлия, у нас тоже документов не меньше. И камера хранения, и архив, и сотрудники. Давайте не будем спорить, а обратимся к руководству.

В итоге мне пришлось напрямую разговаривать с директорами и убеждать их отдать лучший кабинет моим сотрудницам. Я подготовила аргументы: объём работы, количество единиц хранения, необходимость быстрого доступа к документам, специфика бухгалтерских процессов.

Станислав Юрьевич выслушал меня молча, потом кивнул.

— Хорошо. Бухгалтерия получает кабинет с окнами на площадь.

Так бухгалтерия получила просторное помещение с видом на центральную площадь города. Юристам достался кабинет с окнами во двор — меньше, темнее, без того вида, который поднимает настроение по утрам.

Юлия не сказала мне ни слова. Но её взгляд, брошенный в мою сторону, говорил больше, чем любые слова. В нём было холодное, сдержанное бешенство.

После этого среди коллег окончательно укрепились мнение, что я обладаю особым влиянием на руководство.

Разумеется, никто не говорил об этом открыто. Но женский коллектив редко нуждается в прямых формулировках. Фантазия дорисовывает всё сама.

До меня доходили лишь отдельные отголоски разговоров, однако нетрудно было догадаться, какие именно версии обсуждались за моей спиной. «Спит с кем-то из директоров», «у неё компромат», «она шантажирует» — стандартный набор для любого офиса, где женщина добивается своего не через истерики, а через профессиональную аргументацию.

Особенно учитывая тот факт, что со Станиславом Юрьевичем мы действительно быстро нашли общий язык.

Он часто прислушивался к моим предложениям. Соглашался с аргументами. Одобрял инициативы. Несколько раз поддержал мои просьбы о повышении зарплаты сотрудникам бухгалтерии. Да и мой собственный оклад был пересмотрен без лишних споров.

Но причина заключалась вовсе не в каких-то особых отношениях.

Всё было гораздо проще.

Я добросовестно выполняла свою работу. Защищала интересы компании. Брала на себя ответственность в вопросах финансовой дисциплины. Отстаивала позицию руководства перед проверяющими органами и сотрудниками.

Именно это вызывало доверие.

Станислав Юрьевич — умный мужчина. Он видел, кому можно делегировать полномочия, а кому — нет. Он понимал, что я не подставляю его ни перед налоговой, ни перед партнёрами.

А в провинциальном городе таких специалистов — единицы.

В новом офисе установили систему видеонаблюдения.

Причём не только с записью изображения, но и звука. Камеры были везде — в коридорах, в кабинетах, даже в кухонной зоне. Микрофоны ловили каждый шорох.

Для внедрения системы пришлось разработать внутренние регламенты, подготовить дополнительные соглашения и собрать подписи сотрудников. Некоторые возмущались — чувствовали себя подсматриваемыми. Другим было всё равно.

Особого выбора ни у кого не было. Все понимали, что наблюдение ведётся постоянно. Камеры фиксировали каждое перемещение, а микрофоны записывали практически все разговоры.

Поэтому Станислав Юрьевич и Артём Кириллович прекрасно знали, чем живёт коллектив.

Кто с кем конфликтует. Кто о чём говорит. Кто распространяет слухи. Даже тихий шёпот редко оставался незамеченным — система была чувствительной.

Именно поэтому руководители прекрасно видели, что я всегда пресекаю обсуждения начальства и не позволяю сотрудникам переходить границы. В своих отчётах служба безопасности фиксировала каждый инцидент. И моё имя в этих отчётах всегда было на стороне порядка.

Для меня это никогда не было проявлением лицемерия. Наоборот. Это один из моих жизненных принципов: если я принимаю условия сотрудничества, значит, обязана соблюдать договорённости. Не нравится — уйди. Но не сиди и не плети интриги у них за спиной.

В работе у меня всегда царил порядок.

Отчётность сдавалась вовремя — ни одного продления, ни одного штрафа. Документы были систематизированы до такой степени, что любой акт можно было найти за три минуты. Финансовая дисциплина соблюдалась неукоснительно — ни одного несанкционированного платежа, ни одной лишней копейки.

Со временем мне предоставили право самостоятельно устанавливать внутренние требования для подразделений компании. Я разработала регламенты, инструкции, чек-листы. Ввела систему внутреннего контроля, которая позволяла выявлять ошибки на ранних стадиях.

А подразделений становилось всё больше.

К концу первого года моей работы их насчитывалось уже около двадцати на территории двух регионов. Филиалы открывались один за другим — в соседних городах, в районных центрах, даже в небольшом посёлке, где жила моя мама.

Расширение бухгалтерии значительно облегчило нагрузку.

Обязанности удалось грамотно распределить между сотрудниками. Светлана по-прежнему совмещала бухгалтерский и кадровый учёт — и делала это блестяще, без единой ошибки. Новые специалисты быстро включились в работу: кто-то занимался первичной документацией, кто-то — банком, кто-то — отчётностью. Я могла наконец вздохнуть свободнее.

А вот расширение юридического отдела принесло больше проблем, чем пользы.

По крайней мере, лично мне.

Всё началось с появления второго корпоративного юриста.

Изабелла.

Она производила прекрасное первое впечатление. Высокая, статная, ухоженная. С выразительными тёмными глазами и красивыми чертами лица. Одевалась с иголочки, пахла дорогими духами, говорила с лёгкой, почти неуловимой томностью в голосе.

Её рекомендовали как опытного специалиста из крупной нефтяной компании. Резюме выглядело безупречно — образование, опыт, рекомендации. На бумаге — идеальный кандидат.

На практике оказалось сложнее.

Первый месяц она откровенно не понимала специфику нашей деятельности. Вместо того чтобы разобраться в законодательстве о микрофинансовых организациях, она пыталась применять стандартные схемы, которые работали в других сферах. Это приводило к ошибкам — мелким, но заметным.

Впрочем, я ещё могла это объяснить.

Микрофинансовая организация существенно отличалась от большинства коммерческих предприятий. По многим вопросам наша работа была ближе к банковскому сектору, чем к обычному бизнесу. Те же требования ЦБ, те же отчёты, те же проверки.

Соответственно, задачи корпоративного юриста тоже выглядели иначе.

Если раньше Изабелла занималась преимущественно договорами и правовой экспертизой документов, то у нас значительная часть работы касалась соблюдения требований законодательства по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма.

Именно этот участок вызывал у неё наибольшие сложности.

Сначала я думала, что человеку просто нужно время. Акклиматизация, привыкание, изучение новой сферы. Но постепенно начала сомневаться.

Особенно после случая с договором, который попал ко мне на согласование.

Просматривая документ, я обнаружила ошибку в организационно-правовой форме нашей компании. Юрист допустил ошибку в названии организации, в которой работал уже несколько месяцев.

Для меня это стало серьёзным сигналом.

Ошибиться может каждый. Я сама иногда ошибалась — в расчётах, в проводках, в сроках. Но есть ошибки, которые профессионал просто не имеет права совершать. Ошибка в названии собственной компании — это не невнимательность. Это неуважение к тому месту, где ты работаешь.

После этого случая я стала внимательнее присматриваться к Изабелле.

Тем более что мы часто пересекались на офисной кухне. Там же постоянно общались наши два юриста — Юлия и Изабелла. Они быстро нашли общий язык. Обе красивые, эффективные женщины, обе с амбициями.

Но если Юлия хотя бы обладала определённой профессиональной хваткой и умела просчитывать последствия своих действий, то Изабелла зачастую производила впечатление человека, который живёт исключительно сегодняшним днём. Завтра её не волновало. А в нашей сфере это непозволительная роскошь.

Особенно меня настораживала её привычка рассказывать о себе слишком много.

О личной жизни. О мужчинах. О романах. Причём нередко с подробностями и упоминанием конкретных имён. Она делилась этим так легко, будто мы были не коллегами, а подружками на девичнике.

Я слушала и молчала. Но внутри росло раздражение.

Однажды я принесла ей очередной договор.

Документ буквально пестрел моими пометками — красными чернилами, зачёркиваниями, вопросами на полях. Я потратила на него почти час, хотя могла бы просто вернуть без исправлений. Но я надеялась, что она поймёт, научится.

В этот момент Изабелла увлечённо подкрашивала губы перед зеркальцем. Она сидела за своим столом, не обращая на меня внимания, полностью погружённая в процесс. Словно я была не главным бухгалтером компании, а курьером, который принёс бумаги.

— Изабелла, я оставила замечания по договору. Их нужно исправить.

Она мельком взглянула на бумаги — скользнула взглядом, как по чему-то неважному.

— Хорошо, оставь здесь. После обеда посмотрю.

Я положила документы на стол.

— И ещё одна просьба. Внимательнее проверяй название компании и данные руководителя.

Изабелла закатила глаза. Этот жест — такой демонстративный, почти театральный — сказал мне больше, чем любые слова.

— Столько информации вокруг. Всё невозможно запомнить.

Я даже растерялась от такого ответа. На секунду воцарилась тишина — я просто смотрела на неё, не веря своим ушам.

— Ты работаешь здесь уже три месяца, — сказала я спокойно, но жёстко. — За это время вполне можно запомнить название собственной компании и фамилию генерального директора.

Ответа не последовало. Изабелла опустила взгляд — не смущённо, а скорее раздражённо. Как будто я была надоедливой мухой, которую нужно просто перетерпеть.

Я вышла из кабинета, громче обычного закрыв за собой дверь.

Настроение было испорчено.

— Что случилось? — спросила Ольга Никольская, мой новый помощник.

Я сама недавно принимала её на работу. Без опыта. Но с огромным желанием учиться. Именно это меня в ней и подкупило — не знания, которых у неё было немного, а глаза. Живые, любопытствующие, готовые впитывать. Такие сотрудники обычно растут быстрее остальных.

— Да юристы у нас сплошная головная боль, — вздохнула я. — Одна выбрала себе самые удобные задачи и постепенно переложила всё сложное на новенькую. А новенькая вместо того, чтобы разобраться в работе, занимается чем угодно, только не своими обязанностями.

Ольга понимающе улыбнулась.

А я неожиданно поймала себя на грустной мысли. Именно из-за такого отношения к работе многие компании никогда не достигают серьёзных результатов. Нет командного духа. Нет ощущения общего дела. Каждый думает только о себе.

Мне невольно вспомнились годы работы в Москве.

Там регулярно проводились корпоративные выезды и командные мероприятия. На несколько дней исчезала привычная иерархия. Руководители и рядовые сотрудники становились одной командой. Соревновались. Решали общие задачи. Учились доверять друг другу.

И потом это доверие переносилось в рабочие процессы. Люди начинали иначе смотреть на коллег. Иначе взаимодействовать. Исчезали мелкие интриги, потому что ты не можешь интриговать против человека, с которым вчера тащил бревно на скорость.

В итоге выигрывала вся компания.

Я задумчиво посмотрела в окно.

За стеклом медленно кружился первый снег — крупный, ленивый, какой бывает только в начале зимы. Город уже готовился к холодам, люди кутались в куртки, спешили по своим делам.

«Надо поговорить об этом с руководством», — решила я.

Возможно, нашей компании тоже пора было научиться работать не просто рядом, а вместе.

Я взяла ручку и набросала на листе несколько тезисов: командные тренинги, совместные выезды, корпоративные мероприятия, которые будут не просто пьянкой, а реальным инструментом для сплочения коллектива.

Это был план.

Но, как часто бывает, планы меняются. Особенно когда в твою жизнь врываются люди, которых ты не планировал впускать.

ГЛАВА 7

Декабрь 2016 года

Олеся

С момента нашего переезда в новый офис и появления в компании Изабеллы Ярослав стал появляться здесь гораздо чаще.

Раньше его визиты были редкими — раз в неделю, по делам, и он исчезал так же незаметно, как появлялся. Теперь же он заходил почти каждый день. Иногда — с пакетами сладостей к чаю, иногда — без видимой причины. Просто проходил через бухгалтерию, кивал, задерживался у стола Юлии или Изабеллы.

Коллектив, где подавляющее большинство составляли женщины, любое мужское внимание встречал с энтузиазмом. Особенно такое — от сотрудника службы безопасности, который к тому же был другом одного из директоров.

Ярослав охотно присоединялся к нашим коротким посиделкам. Садился на край стула, откидывался на спинку, брал чашку с предложенным чаем и вписывался в разговор так легко, будто всегда здесь был.

Приглашали его всегда. Всегда находилась та, кто подходила первой: «Ярослав Иванович, может, чаю? У нас пирожки». И он не отказывался.

Однажды я оказалась на таком чаепитии по случаю дня рождения Светланы.

Стол в комнате для переговоров был накрыт скромно, но с душой: домашнее печенье, конфеты, торт, заказанный в кондитерской. Светлана сияла, принимая поздравления, а коллеги толпились вокруг, создавая привычный офисный шум.

Именно тогда мне впервые стало очевидно, что между Ярославом и Изабеллой существуют не просто приятельские отношения.

Слишком уж открыто он с ней заигрывал.

Слишком явно она отвечала ему взаимностью.

— Ярослав Иванович, — певуче протянула Изабелла, поправляя волосы. — Вы всё шутите.

В присутствии коллег она неизменно обращалась к нему по имени-отчеству, соблюдая внешние приличия. Но её взгляд говорил гораздо больше слов. Чёрные глаза сияли, губы растягивались в обольстительной улыбке, а каждое движение — то поправит воротник, то поведёт плечом — словно приглашало к продолжению игры.

Флиртовать она умела превосходно. Скрывать эмоции — значительно хуже.

— В каждой шутке есть доля правды, Изабелла Харитоновна, — отвечал ей Ярослав в том же тоне, откровенно любуясь женщиной.

Я наблюдала за ними из-за своей чашки чая, делая вид, что поглощена разговором со Светланой. Но уголком глаза видела всё: его пальцы, чуть задержавшиеся на её запястье, когда она передавала ему салфетку; её смех, чуть громче, чем требовалось; паузы между репликами — слишком длинные для обычного разговора.

Наблюдать за ними было даже забавно. Как в театре — только актёры не знают, что за ними следят.

Судя по всему, весь офис уже обсуждал этот роман. Сплетни перетекали из кабинета в кабинет, обрастая подробностями. Как обсуждали и то, что Ярослав расстался с Вероникой, а та безуспешно пыталась его вернуть.

Особенно пикантным ситуацию делал тот факт, что Вероника по-прежнему дружила с супругой Ярослава. Приходила к ним в гости, оставалась ночевать, водила детей на общие прогулки. И Алия, судя по всему, ничего не подозревала.

Меня происходящее одновременно удивляло и настораживало.

Удивляло — потому что я не понимала, как можно так легко рисковать семьёй. Настораживало — потому что я начинала видеть в Ярославе не просто «безопасника с репутацией», а живого человека, который, возможно, сам не до конца понимал, что делает.

По-настоящему неприятные ощущения появились позже.

Наверное, потому что были затронуты мои представления о честности и порядочности. Я могла закрывать глаза на чужие романы, пока они не касались работы. Но когда они начинали влиять на профессиональные процессы — это становилось проблемой.

По работе мне всё чаще приходилось взаимодействовать с Ярославом. В компании начали выявляться случаи недостач и финансовых нарушений в подразделениях. Приходилось выезжать на места, разбираться с документацией, опрашивать сотрудников. И он, как безопасник, сопровождал меня.

Мы вместе ездили в филиалы — иногда в соседний город, иногда в отдалённые посёлки. Дорога занимала час, а то и два. И в этих поездках, в замкнутом пространстве машины, между нами постепенно возникало что-то, чего я не планировала.

Дорога располагала к разговорам.

Мы обсуждали работу, жизнь, детей, отношения. Иногда — просто болтали обо всём подряд, перескакивая с темы на тему, как старые знакомые.

Ярослав рассказывал о семье.

О том, как они с женой много лет мечтали о ребёнке. Как проходили обследования, как сдавали анализы, как ездили по врачам. Как его супруга обращалась с молитвами и к мусульманским святым, и к православной Матроне Московской. Как долго они ждали появления сына.

И этот образ — заботливого мужа, который переживает за жену, который благодарен судьбе за долгожданного ребёнка, — совершенно не сочетался с тем образом ловеласа, который я наблюдала собственными глазами в офисе.

В этой истории явно существовало что-то, чего я пока не понимала.

Наверное, именно это и вызывало во мне интерес.

Любопытство. Словно детский киндер-сюрприз — очень хочется узнать, что находится внутри. Только здесь внутри был человек, и я боялась, что, заглянув, уже не смогу отвернуться.

Если говорить честно, общаться с ним мне нравилось.

Он был внимательным собеседником. Умел слушать — не перебивая, не вставляя «а вот у меня», не сводя разговор к себе. Смотрел в глаза, когда я говорила, и в этом взгляде не было привычного мужского прицела.

Он часто интересовался моим мнением по рабочим вопросам — не формально, а действительно спрашивая совета. Иногда я ловила себя на мысли, что он воспринимает меня как равного, хотя по должности я не была ему начальником.

Иногда спрашивал совета по семейным ситуациям или детям. Рассказывал о конфликтах с падчерицей, о том, как трудно найти общий язык с подростком. Я давала советы — осторожно, без назидания. И он их принимал.

Однажды довольно деликатно поинтересовался моей личной жизнью.

Я ответила, что у меня всё прекрасно.

Это была не ложь. Просто я не считала нужным рассказывать малознакомому мужчине о своих разочарованиях и страхах.

После этого мы к теме больше не возвращались.

Мне нравилась эта дружба. Если её вообще можно было назвать дружбой.

Когда тебе приятно общаться с человеком, но при этом нет физического влечения — наверное, это и есть дружеская симпатия. Ты радуешься встрече, скучаешь, если долго не видишь, но внутри нет того напряжения, которое заставляет тебя поправлять волосы перед зеркалом и задерживать дыхание, когда он проходит мимо.

По крайней мере, тогда мне так казалось.

Тем временем приближался Новый год.

Руководство организовало подарки для детей сотрудников и традиционный корпоратив.

Сначала я даже не собиралась идти. Шумные застолья никогда не были моим любимым видом отдыха. К тому же мне предстояло добираться домой за город поздно ночью, а мама и так постоянно сидела с дочкой, и я не хотела её лишний раз напрягать.

Но однажды разговор о празднике зашёл в присутствии Ярослава.

— Ты обязательно приходи, — сказал он. — Тебе нужно развеяться.

— Мне далеко ехать домой. Не хочется лишний раз напрягать маму.

— Договорись, — усмехнулся он. — Я всё равно буду за рулём. После праздника всех развезу.

Я задумалась.

Почему бы и нет?

Мысль о том, что женатый мужчина проводит вечер в компании подвыпивших коллег и развозит их по домам, показалась мне странной. Но я тут же отбросила это сомнение — мало ли как у них в семье принято. Может, Алия сама его отпускает.

Позже я поняла, что это было отличное прикрытие. Обычная забота о сотрудниках. Ничего подозрительного. Особенно если последней домой нужно отвезти любовницу.

Но тогда я об этом не думала.

Я согласилась.

Для праздника я купила красное платье. Длина чуть ниже колена, кружевные рукава, широкая юбка-полусолнце. Я редко носила яркие цвета, но почему-то в этот раз захотелось именно красного. Может быть, потому что внутри накопилась усталость от серых офисных будней, и хотелось выплеснуть её хоть так.

Сноха уложила мне волосы крупными локонами на одну сторону — получилось женственно, но не вызывающе. Макияж я сделала сама, подчеркнув глаза и оставив губы почти прозрачными.

Получилось вполне достойно.

Мама согласилась посидеть с дочерью. Вся семья вообще радовалась тому, что после развода я наконец начала возвращаться к нормальной жизни. «Пойди, отдохни», — говорила мама. «Развейся», — вторил брат.

Поэтому моё желание сходить на корпоратив восприняли с энтузиазмом.

Праздник проходил в большом зале городского кафе.

Нас собралось около пятнадцати человек вместе с руководством. Правда, Станислав Юрьевич так и не появился — позже в офисе шутили, что супруга устроила ему скандал и запретила ехать. Лично мне эта история показалась скорее проявлением уважения к семье, чем поводом для насмешек.

Артём Кириллович приехал. Провёл с коллективом около часа. Произнёс небольшую речь — о достижениях, о планах, о том, как он ценит команду. Поднял бокал шампанского. И так же быстро исчез.

Перед уходом я всё же успела его остановить.

— Артём Кириллович!

Он обернулся.

— Я хотела поблагодарить вас и Станислава Юрьевича за праздник.

Мужчина слегка улыбнулся — той сдержанной улыбкой, которая редко появлялась на его лице.

— Олеся, проследи только, чтобы завтра все вовремя вышли на работу.

Я рассмеялась.

Он кивнул и вышел на улицу. Через огромное панорамное окно я наблюдала, как он, пригнув голову под снегопадом, сел в свой автомобиль и уехал.

Тем временем праздник набирал обороты.

В зале уже работал фотограф. Новогоднюю фотосессию для сотрудников организовала я сама — хотела, чтобы у коллег остались хорошие воспоминания. Пока гости ещё сохраняли относительную трезвость, фотограф старательно отработывала свой гонорар, щёлкая затвором.

Мы сделали множество снимков. Общие. Групповые. Индивидуальные.

Особенно удачной получилась фотография нашей бухгалтерии. Рыжая, блондинка и брюнетка. Позже мы шутили, что напоминаем группу «ВИА ГРА».

Я с интересом рассматривала коллег, их наряды, их преображение.

Вероника выбрала длинное облегающее платье шоколадного оттенка с глубоким декольте. Она явно рассчитывала на внимание — и получала его. Мужчины за соседними столиками провожали её взглядами.

Изабелла появилась в чёрном блестящем платье в пол. Её тёмные волосы были уложены крупными волнами и буквально сияли от лака с блёстками. Она выглядела так, будто собиралась не на корпоратив, а на красную дорожку.

Юлия предпочла васильковое платье с высоким разрезом и открытым плечом. Эффектно, но сдержанно — в её стиле.

Мои девочки из бухгалтерии выглядели значительно скромнее. Светлана была в лаконичном чёрном платье чуть выше колен. Настя — в голубом платье с завышенной талией и широкими рукавами. На их фоне я, наверное, выглядела ярковато, но мне было всё равно.

Поскольку мужчин практически не было (кроме Ярослава и ещё двух-трёх сотрудников из филиалов), Ярослав по очереди приглашал на танец всех женщин.

Сначала Изабеллу.

Они танцевали медленно, слишком близко для коллег. Я видела, как его рука лежит на её поясице, как она запрокидывает голову и смеётся чему-то, что он шепчет ей на ухо.

Потом Юлию.

С ней танец был короче, сдержаннее. Юлия держала дистанцию — то ли из-за характера, то ли потому, что не хотела участвовать в чужой игре.

Наблюдая за ним рядом с высокими красавицами, я невольно улыбалась. На их фоне он выглядел заметно ниже ростом. Зато с самооценкой у него явно всё было в полном порядке. Он не комплексовал, не сутулился, не пытался казаться выше. Просто танцевал — уверенно, легко, как будто его рост был последним, что его волновало.

Затем к нему направилась Вероника. Я видела, как она приближается, как поправляет волосы, как улыбается той особенной улыбкой, которая предназначена только одному человеку.

Но вместо неё он пригласил меня.

— А Веронику ты почему проигнорировал? — спросила я с лёгкой усмешкой.

Несколько бокалов шампанского сделали своё дело. Я расслабилась — может быть, даже слишком.

— Захотелось потанцевать с главным бухгалтером, — улыбнулся он. — А то ещё оби-дишься и зарплату мне неправильно посчитаешь.

— Тогда нужно было приглашать Светлану. Зарплату считает она.

Ярослав громко рассмеялся.

Настолько громко, что это сразу заметили окружающие. Несколько голов повернулись в нашу сторону, несколько пар глаз зафиксировали этот момент.

Я успела увидеть два очень характерных взгляда.

Один принадлежал Веронике. В нём была ревность — острая, неприкрытая, почти болезненная. Она смотрела на меня так, будто я только что отобрала у неё что-то принадлежащее ей по праву.

Другой — Изабелле. В её взгляде читалось нечто иное: любопытство, смешанное с холодной оценкой. Она измеряла меня, просчитывала. И это было неприятнее, чем открытая ревность.

— Ника весь вечер на тебя смотрит, как кошка на сметану, — заметила я, кивнув в сторону Вероники.

— У неё муж в соседнем зале отдыхает, — усмехнулся Ярослав. — И вообще, недостатка во внимании она никогда не испытывала.

В его голосе прозвучало явное раздражение.

Позже за нашим столом действительно появился Андрей — супруг Вероники. Симпатичный мужчина, но к тому моменту он был настолько пьян, что с трудом держался на ногах. Его шатало, речь была невнятной, глаза бессмысленно блуждали по залу.

Мне невольно вспомнился мой первый муж. Та же беспомощность, та же жалость, смешанная с брезгливостью. И я чуть лучше поняла некоторые поступки Вероники.

Хотя до конца принять их всё равно не могла.

Когда основная часть вечера закончилась, Ярослав, Вероника и её супруг куда-то исчезли.

Тогда Юлия предложила перебраться в соседний ночной клуб.

— Пока Ярослав развозит людей, можем посидеть там, — сказала она.

В итоге в клуб отправились мы вчетвером: я, Юля, Изабелла и Настя. Светлана к тому времени уже уехала со своим молодым человеком.

Если честно, я предпочла бы просто прогуляться по морозному воздуху — вдохнуть снег, посмотреть на звёзды, прийти в себя после шумного вечера. Но я не знала, сколько придётся ждать. И согласилась.

В клубе было шумно.

Гремела музыка — тяжёлый, утробный бас, от которого вибрировало в груди. В воздухе висел дым, пахло алкоголем и чужими духами. В основном вокруг отдыхала молодёжь — девушки в коротких платьях, парни с наглыми взглядами.

Лишь за столиками VIP-зоны сидели солидные мужчины постарше. Они смотрели на танцпол с ленивым превосходством, потягивая дорогой алкоголь.

Юлия сразу направилась к каким-то знакомым. Мы последовали за ней.

Мне было скучно. Я чувствовала себя чужой среди незнакомых людей — слишком взрослой для этой тусовки, слишком уставшей для этого ритма.

Изабелла тоже заметно нервничала. Постоянно проверяла телефон — заглядывала в экран, прятала, снова доставала. Покусывала губы — так, что блеск-помада почти стёрлась. Поглядывала на вход, будто кого-то ждала.

Наверное, переживала из-за того, что Ярослав уехал с Вероникой.

Примерно через полчаса Изабелла резко поднялась и направилась к выходу.

Ничего не объясняя.

Юлия тут же понимающе усмехнулась.

— Приехал.

Мы вышли следом.

На парковке нас уже ждал Ярослав. Он стоял у своей машины, прислонившись к капоту, и смотрел на приближающихся женщин с той лёгкой усмешкой, которая, как я начинала понимать, была его защитной маской.

Мы разместились в машине. Юлия впереди. Мы с Изабеллой сзади.

— Кого первым домой? — спросил он.

— Меня, — ответила я. — Я живу дальше всех.

Он кивнул.

До моего дома мы так и не доехали.

Весь вечер шёл снег. Дорогу занесло настолько сильно, что машина начала буксовать на небольшом подъёме. Колёса крутились впустую, запахло горелой резиной.

— Всё, высаживай здесь, — сказала я.

— Сейчас проедем.

— Не надо. Я пешком дойду.

— Уверена?

— Абсолютно. Иначе ещё застрянем тут до утра. Придётся вас всех к себе домой вести.

Он улыбнулся.

— Тогда позвони, когда доберёшься.

— Обязательно.

Я вышла из машины.

Фары ярко освещали заснеженную дорогу, вырывая из темноты кружащиеся снежинки. Но мне они скорее мешали — слепили глаза, создавали ненужные тени.

Я знала здесь каждый поворот. Каждую тропинку. Каждое дерево. Этот район я исходила вдоль и поперёк за годы жизни здесь.

Перед тем как свернуть за угол, я обернулась и помахала рукой.

Он мигнул фарами в ответ.

Когда я скрылась из виду, автомобиль развернулся и уехал дальше развозить остальных.

А я ещё не знала, что эта новогодняя ночь станет лишь началом совсем другой истории.

Я шла по сугробам, хруст снега под ногами казался мне единственным звуком во всей вселенной. И внутри было странное, пугающее спокойствие.

Как будто я стояла на пороге чего-то, чего ещё не видела, но уже чувствовала.

ГЛАВА 8

Март 2017 года

Ярослав

С самого утра всё валилось из рук.

Я не спал почти всю ночь — ворочался, сбивал одеяло, вставал пить воду, снова ложился. Мысли не отпускали, кружили вокруг одного и того же, как мухи над падалью. Всё раздражало: свет, пробивающийся сквозь шторы, звуки из соседней квартиры, собственное дыхание.

Даже сына сегодня на руки брать не стал.

Сэм лежал в кроватке, пускал пузыри и улыбался беззубым ртом — такой беззащитный, такой чистый. Я посмотрел на него и не почувствовал ничего. Не то чтобы равнодушие — скорее внутренняя пустота, которую невозможно заполнить чужим теплом.

Несколько дней назад ему исполнилось два месяца.

Совсем крохотный. Помещается на одной моей ладони. А я смотрел на него и не понимал, почему внутри нет той бури эмоций, которую обещают все эти книги про отцовство.

Странно, но, несмотря на рождение долгожданного сына, я не испытывал к семье тех чувств, которых ожидал. Иногда сам себя не понимал. Не мог определить, в какой момент всё пошло не так.

Во мне словно жили два разных человека.

Один — семейный мужчина. Муж, отец. Он работает, зарабатывает деньги, купил квартиру, старается обеспечить близким комфортную жизнь. Он тот, кем я должен быть. Тот, кем меня хотят видеть.

Второй — живёт исключительно ради себя. Ему нужны эмоции, приключения, новые впечатления. Ощущение новизны проходит слишком быстро, а вместе с ним приходит серая обыденность. А я ненавижу обыденность. Она душит меня медленно, но верно, как удавка, которую затягивают по миллиметру.

Я всегда знал, что устроен не так, как «нормальные» мужчины. Те, кто может годами жить с одной женщиной, не глядя по сторонам. Те, кто возвращается домой с работы и чувствует не раздражение, а покой.

Со мной что-то не так.

Или с ними. Я так и не решил.

Мне всегда нравились женщины.

Не просто как объекты — как сущности. Их голоса, их запахи, их движения. Я мог смотреть на женщину и понимать, чего она хочет, даже если она сама этого ещё не осознавала. Это было не умение — это было чутьё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.